

В. П. Курылев, Ф. Д. Люшкевич, М. В. Сазонова

Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана

В собраниях отдела Средней Азии и Казахстана МАЭ содержится около 100 коллекций по этнографии среднеазиатских народов и Казахстана, из них около 400 коллекций насчитывают 8 тыс. предметов, которые характеризуют материальную и духовную культуру этих народов. Остальные собрания представляют собой в основном иллюстративный материал.

История изучения народов Средней Азии и Казахстана самым тесным образом была связана с историей МАЭ, хотя и до его учреждения, в 1878 г., были опубликованы труды, посвященные этнографическому описанию ряда среднеазиатских народов. Однако только с созданием МАЭ эта деятельность приняла широкий и планомерный характер, сочетая как научно-исследовательское направление, так и музейное (собирательское, учетно-хранительское и экспозиционно-просветительское).¹

Самое раннее упоминание о поступлении экспонатов из Средней Азии и Казахстана относится к начальному периоду деятельности Музея (Петровской Кунсткамеры). Уже в первом каталоге Кунсткамеры, изданном в 1742 г., среди этнографических коллекций были отмечены бухарские башмаки.² В этом же путеводителе упоминается ряд персидских вещей, среди них много ножей. Возможно, часть из них принадлежала горным таджикам.³ В Путеводителе-каталоге И. Бакмейстера среди пополнений одежды и других вещей упоминаются «киргизские» — казахские (?).⁴ В 1780 г. среди прочих манекенов «для разного курioзного платья азиатского» был изготовлен манекен «киргиза» — казах (?).⁵

И наконец, нам известно, что на экспозиции Музея конца 60-х — начала 70-х годов XIX в. среди других этнографических вещей были выставлены «одежда и предметы кочевого быта народов Средней Азии».⁶

¹ По истории Отдела Средней Азии см.: Гафферберг Э. Г., Кисляков Н. А. Отдел Передней и Средней Азии ИЭ АН СССР. — СЭ, 1948, № 1, с. 207—211; Гафферберг Э. Г., Кисляков Н. А. И. И. Зарубин — этнограф и музейный работник. — Иранский сборник в честь 75-летия И. И. Зарубина. М., 1963, т. 17—21; Станюкович Т. В. 250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л., 1964, с. 73—121.

² Этот материал любезно предоставила Т. В. Станюкович, за что приносим ей искреннюю признательность.

³ См. коллекцию из старых поступлений МАЭ, в которой имеются нож и деревянные ножи горных таджиков (кол. № 4296-2, а, б, 3).

⁴ Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Академии наук. СПб., 1779, с. 136—137.

⁵ Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет. — Сб. МАЭ, Л., 1964, т. XXII, с. 32.

⁶ ЛО ААН, ф. 142, оп. 1 (1719—1927), д. 115 (топографическая опись Этнографического музея, составленная в 1864—1865 гг. Ф. П. Кеппеном; на франц. яз.).

Однако до нас эти экспонаты не дошли, и установить их судьбу в настоящее время не представляется возможным. Исключение составляют уже отмеченные выше предметы по горным таджикам (кол. № 4296), а также киргизское деревянное веретено (кол. № 3114).

Из сохранившихся коллекций конца прошлого века значительный интерес представляют коллекции музыкальных инструментов (№ 148, 298, 478, 779), а также различных предметов домашней утвари (№ 111, 219, 381, 474). Наиболее значительной из них, содержащей главным образом костюм жителей Самарканда и отдельные предметы быта, является коллекция № 219, собранная в 1889 г. и поступившая в Музей в 1892 г. Многие из элементов представленного в этом комплекте костюма к настоящему времени давно вышли из употребления и потому особенно интересны в плане истории одежды конца XIX—начала XX в. Научное описание этой коллекции выполнено А. Л. Троицкой, проследившей по своим полевым этнографическим наблюдениям 1920-х—1930-х годов и литературным данным более ранних лет характер происходивших за четверть века изменений.

Планомерный сбор коллекций по этнографии народов Средней Азии связан с деятельностью созданного в 1902 г. по инициативе русских востоковедов Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Этому предшествовал выход в свет научных трудов по расселению народов Средней Азии, их истории, языкам.⁷ Исследования этого круга ученых, продолжая традицию отечественного востоковедения, базировались на сочетании анализа письменных источников с изучением на местах. Особое место в этом отводилось Музею этнографии, во главе которого в 1894 г. стоял В. В. Радлов. В Музее начинали свою деятельность и такие ученики В. В. Радлова, как А. Н. Самойлович и С. Е. Малов. С. Е. Малов по окончании Университета был принят библиотекарем МАЭ и на протяжении всей своей жизни поддерживал научные связи, участвуя в наиболее важных событиях научной жизни Музея.⁸ А. Н. Самойлович, еще будучи студентом (1902), был командирован в Туркмению с целью совершенствования в языке. Так началась его живая и постоянная связь с народами Средней Азии. Из командировки в Хивинское ханство в 1908 г. им были привезены коллекции по узбекам и туркменам Хорезмского оазиса, составляющие гордость среднеазиатских собраний МАЭ. В их составе старинная одежда, предметы быта, уникальные музыкальные инструменты.⁹

К первым годам XX в. относится плодотворная деятельность С. М. Дудина, участника ряда экспедиций и художника, оставившего значительный след в науке. Им собраны интересные этнографические¹⁰ и фотоколлекции для МАЭ и Этнографического отдела Русского Музея (в настоящее время Государственный Музей этнографии народов СССР) и написаны статьи об искусстве народов Средней Азии.¹¹

⁷ См., например: Радлов В. В. Средняя Зеравшанская долина. — Зап. РГО по отделению этнографии, 1880, т. VI, с. 1—92; Бартольд В. В. 1) Очерк истории Семиречья. Верный, 1898; 2) Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—94 гг. СПб., 1897.

⁸ Абрамзон С. М. Этнографические исследования С. Е. Малова. — Тюркол. сб., 1975, М., 1978, с. 12—25.

⁹ МАЭ, кол. № 1268, 1270, 1275, 1276, 3174; Абрамзон С. М. А. М. Самойлович как этнограф. — Тюркол. сб. 1974, М., 1977, с. 51—54.

¹⁰ МАЭ, кол. № 778, 779, 1054, 1332, 3541.

¹¹ Дудин С. М. 1) Ковровые изделия Средней Азии. — Сб. МАЭ, 1928, т. VII; 2) Орнамент и современное состояние самаркандских мечетей. — Изв. археол. комиссии, 1903, VII; 3) Резьба по дереву у киргиз. — Зодчий, 1901; 4) Среднеазиатские ковры. — Столица и усадьбы, 1916.

Начиная с 1914 г. Русский комитет и МАЭ командировали И. И. Зарубина под руководством французского ученого Готье в экспедицию на Памир. В последующие три года И. И. Зарубин продолжал изучение припамирских народов самостоятельно. Полевая работа молодого ученого на Памире и в прилегающих к нему районах была исключительно плодотворной. И. И. Зарубиным было собрано около 450 экспонатов по старому быту. Коллекции эти (№ 2352 и 2674) являются в настоящее время уникальными. Ценность памирских экспонатов дополняется большой коллекцией фотоснимков, значительная часть которых была выполнена С. М. Дудиным. Фотоколлекции № 2371, 2372, 2499 и 2621 сохраняют живые картины быта памирцев в те далекие годы, основные типы населения, служат наглядным свидетельством различных элементов материальной и духовной культуры. Часть собранных в те годы материалов была опубликована И. И. Зарубиным поначалу в небольшой статье «Обувь горных таджиков», а затем в работе монографического характера «Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга». Позже с привлечением этих же материалов И. И. Зарубиным было написано исследование «Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги» с подробным описанием цикла связанных с этим событием обрядов и поверий. Тесно связанными с этнографическими исследованиями ученых этих лет были сбор и публикация фольклора.

Активизация этнографических сборов относится уже к первым годам после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Глубокий интерес к истории народов, населяющих молодую Советскую республику, тщательное изучение особенностей их культуры для успешного строительства нового социалистического общества всячески стимулировали организацию специальных экспедиций в разные районы страны, в том числе и в Среднюю Азию.

В МАЭ в 1918 г. создается Отдел мусульманских народов во главе со ставшим уже известным в те годы лингвистом и этнографом И. И. Зарубиным. С целью дальнейшего пополнения собраний Музея организуется Среднеазиатская этнологическая экспедиция АН СССР (1926—1929 гг.) под общим руководством акад. В. В. Бартольда. И. И. Зарубин руководил Зеравшанским отрядом. В составе этого отряда работали Г. Г. Гульбин, Т. М. Зарубина, Е. М. Пещерева, А. Л. Троицкая и студенты-практиканты Б. И. Виноградов и М. З. Нагзыбеков. В 1926 г. работа велась главным образом в горной части долины Зеравшана (Матча, Фальгар) и в долинах притока Зеравшана — Фандарьи, Искандера и Ягноба. Одна из участниц этой экспедиции, Е. М. Пещерева, в эти же годы участвовала в ягнобской экспедиции, организованной Среднеазиатским комитетом по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы (Ташкент).¹² Возглавлял экспедицию М. С. Андреев, в течение многих лет поддерживавший научные контакты с МАЭ.¹³ Одновременно с глубоким изучением горных районов Таджикистана сбор полевого материала производился в городах Самарканде, Пенджикенте, Ура-Тюбе и Ташкенте. В Музей была доставлена богатейшая коллекция предметов по основным занятиям, материальной культуре и народной медицине. Всего было собрано около 1150 экспонатов, а также большое количество иллюстративного материала (кол. № 3488, 3489, 3556). По материалам этих экспедиций их участники опубликовали ряд работ.¹⁴ Зна-

¹² Пещерева Е. М. Ягнобские этнографические материалы. Душанбе, 1976.

¹³ Акрамова Х. Ф., Акрамов Н. М. Востоковед М. С. Андреев. Душанбе, 1973.

¹⁴ Зарубин И. И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г. — Изв. АН СССР, сер. 6, М.—Л., 1927, № 5—6; Троицкая А. Л. 1) Рожде-

чительная часть этих коллекций была опубликована позже в одном из очередных выпусков сборника МАЭ.¹⁵ К 1927—1928 гг. относится плодотворная работа Г. К. Шульца по изучению этнографии каракалпаков низовья Амударьи, также участвовавшего в Среднеазиатской этнологической экспедиции. Им собрана коллекция, включающая орудия труда, в первую очередь сельскохозяйственные, предметы домашнего обихода, утварь, посуду, орудия ткацкого производства, а также некоторые предметы, связанные с религиозными верованиями каракалпаков. Особенно полно представлена традиционная одежда. Ценным является то, что эти собрания весьма удачно подчеркивают как сходство, так и отличие традиционно-бытовой культуры каракалпаков с соседними народами — узбеками и казахами. Так, например, меховая шапка каракалпаков (кол. № 3539-1) из длинношерстного бараньего меха, сделанная в виде усеченного конуса широким основанием вверх (высота 8 см, диаметр верхней части 28 см, нижней — 18 см), с одной стороны, отличает их от соседних казахов, а с другой — очень напоминает меховую шапку хивинских узбеков. Каракалпакская тюбетейка (кол. № 3539-2) по своей форме сходна с широко распространенным у других народов Средней Азии таким же головным убором, но при этом, в отличие от узбекских, не имеет вышивки.

Большую ценность представляет каракалпакская юрта (кол. № 3805). В собрании МАЭ она представлена почти во всех своих основных деталях.¹⁶ Многие из них — двери с наружной стороны, циновки, а также все шерстяные полосы и тесемки имеют геометрический и растительный орнамент.

В программу Среднеазиатской этнологической экспедиции входило также изучение быта малых по численности ираноязычных народов Средней Азии — белуджей, берберы, джемшидов и хазара. Коллекции, собранные среди этих народов вскоре после переселения их из Афганистана, являются в настоящее время уникальными. Они содержат многочисленные предметы быта и одежды того времени (кол. № 3870, 3847—3849, 3840, 3841, 3993, 4035), керамики (3800). Особенно следует выделить коллекции № 3801 (полукочевое жилище джемшидов — *чаппари*), № 3802 (хазарская юрта) и № 4027 (белуджский шатер — *гедан*). Исследованию разных форм кочевого жилища и определению его места в развитии жилища у народов Передней и Средней Азии были посвящены доклад и публикации одной из активных собирательниц всех этих коллекций во время Среднеазиатской этнологической экспедиции Э. Г. Гафферберг.¹⁷ Ценным источником для публикации названных выше жилищ

ние и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. По материалам Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР в 1926—29 гг. — СЭ, 1935, № 6; 2) Первые сорок дней ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда. Ташкент, 1927; 3) Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана. — В кн.: Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971; Пещерова Е. М. Игрушка и детские игры у таджиков и узбеков по материалам 1924—1935 гг. — Сб. МАЭ, М.—Л., 1957, т. XVII.

¹⁵ Сб. МАЭ, Л., 1970, т. XXVI («Традиционная культура народов Передней и Средней Азии»).

¹⁶ Подробное описание каракалпакской юрты см.: Шелекенов У. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем. — В кн.: Матер. и исслед. по этнографии каракалпаков. М., 1953 (Тр. Хорезмской археол.-этногр. экспедиции, III), с. 322—328.

¹⁷ Гафферберг Э. Г. 1) Гедан — кочевое жилище белуджей. — В кн.: VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. М., 1964; 2) Хазарейская юрта ханаи хырга. (К вопросу об истории кочевого жилища). — Сб. МАЭ, М.—Л., 1953, т. XIV.

были экспедиционные фотографии селений и интерьера жилища (кол. № 3854, 3855, 3921, 3931, 4401).

Изучение особенностей быта белуджей, поселившихся на территории Туркменской ССР, стало после значительного перерыва темой монографического исследования Э. Г. Гафферберг, ездившей к ним в 1959—1961, 1967 гг. В монографии, так же как и в сопутствовавших ей статьях, прослежена динамика развития различных элементов этнографических черт культуры белуджей по материалам первых музейных коллекций и новейших полевых материалов автора.¹⁸

Коллекции, собранные Среднеазиатской этнологической экспедицией, явились прочной базой для дальнейшего пополнения этнографических фондов Музея и их всестороннего изучения. Так, по рекомендации академика В. В. Бартольда одной из основных тем исследования Е. М. Пещеревой примерно с 1929 г. стала история возникновения и развития в Средней Азии гончарного производства.¹⁹ Музейные коллекции по керамике довольно полно и широко представлены начиная от Ягноба (кол. № 3461, 3609), где глиняная посуда изготовлялась женщинами без помощи гончарного круга, и включает равнинные районы с развитым гончарным производством в таких центрах, как Самарканд, Ходжент, Риштан, Пенджикент, Бухара.

Очень существенным пополнением собраний Музея была передача экспонатов из других хранилищ. Так, в 1924 г. Государственным музейным фондом из складов Зимнего дворца было передано богатое собрание среднеазиатских тканей (кол. № 2916, 2917, 2918, 2919, 2920, 2935, 2936), насчитывающее в общей сложности более 500 образцов местного шелка (шои, алача), бархата (бахмал), полупелюшковой атласной и муаровой ткани. К крупным поступлениям из музейного фонда относится и коллекция № 2971, включающая более 100 предметов среднеазиатского быта. Отдельные поступления из Зимнего дворца характеризуют быт жилищных слоев населения конца XIX—начала XX в. и являются произведениями высокого художественного уровня (кол. № 2871, 2873, 2567, 3687).²⁰

По обилию и полноте представленного материала особое место занимает коллекция № 5676, содержащая 186 образцов вышивок. Она была собрана в 1938 г. по поручению МАЭ А. К. Писарчик в г. Нурата и снабжена подробным описанием деталей орнамента с местной терминологией. К этому собранию примыкает коллекция различных предметов по прикладному искусству, включающему также образцы тканей с национальным узором, набойки, образцы резьбы по ганчу, дереву и набор инструментов для резьбы по ганчу (№ 5686).

Довольно широко представлены в коллекциях Музея не только одежда из разных районов Средней Азии, но и такой характерный вид отделки, как плетеные и вышитые тесьмы для тюбетеек (коллекция № 5797, привезенная Е. М. Пещеревой из Каратага), для обшивки низа шаровар (коллекция № 5739 от А. К. Писарчик из Самарканда и Ургута) и альбом образцов вышитой тесьмы (коллекция № 5727, собранная А. Л. Троицкой в Бухаре).

С созданием в 1933 г. Института этнографии Академии наук проблемы теории этнографической науки становятся ведущими. Новый этап в истории Музея отразился и на направлении экспедиционной деятельности.

¹⁸ Гафферберг Э. Г. 1) Белуджи Туркменской ССР. Л., 1969; 2) Одежда белуджей Туркменской ССР. — Сб. МАЭ, Л., 1970, т. XXVI.

¹⁹ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959.

²⁰ Пещерева Е. М. Бухарские золотошвей. — Сб. МАЭ, т. XVII.

В работах экспедиций 30-х годов впервые заметное место начинает занимать изучение процессов современности (советизация, жизнь колхозов, национально-культурное строительство, положение женщин и др.), что было особенно характерно для работы Таджикской экспедиции, организованной Советом по изучению производительных сил АН СССР. Один из отрядов этой экспедиции возглавлялся учеником академика А. Н. Самойловича С. М. Абрамзоном, научная деятельность которого в дальнейшем поставила на новый, более высокий уровень этнографическое изучение киргизского народа.²¹ Экспедиция в Самарканд (Е. П. Николаичева и А. Н. Федоров) в 1931 г., ставившая целью изучение ремесла и цеховой организации ремесленников оседлого населения (кузнечество, деревообработка и др.), собрала и ценную вещевую коллекцию.²² К 30-м годам относится начало работы К. Л. Задыхиной, начавшей специализироваться в области изучения этнографии казахов, а позднее перешедшей на изучение узбеков, и В. В. Екимовой.

В. В. Екимова к тому времени являлась уже вполне сложившимся специалистом в области музееведения. Опытный методист-экскурсовод, собиратель интересных коллекций,²³ она и в МАЭ заняла заметное место, поставив образцово дело собирания и регистрации поступавших коллекций.²⁴ Необходимо подчеркнуть, что именно к тому времени относится развернутое изучение и сбор коллекций, отражавших состояние народного искусства, качественно менявшегося в советское время.²⁵

Начиная с 30-х годов большой вклад в этнографическое изучение таджиков внесли исследования Н. А. Кислякова. Началом его научной деятельности явилась многолетняя стационарная работа в глухих горных районах Таджикистана. Основные исследования ученого связаны с проблемами социальных отношений, истории форм семьи и брака. Будучи в течение ряда лет директором МАЭ, членом редколлегии «Сборника МАЭ», а также заведующим отделом Передней и Средней Азии, Н. А. Кисляков много внимания уделял экспедиционной работе, публикации музейных коллекций и изучению современных форм культуры и быта таджиков.²⁶

Начиная с 1938 г. весь коллектив отдела приступил к подготовке двухтомника «Народы Средней Азии и Казахстана». Участились экспедиции, накапливались материалы для написания соответствующих разделов томов. Эта работа была завершена, но не успела выйти в свет — началась Великая Отечественная война. И в трудные годы войны этнографическая наука продолжала быть на первых рубежах идеологической борьбы. Уже в декабре 1942 г. специальным решением Президиума АН СССР была организована Московская группа Института этнографии. Базой для создания этой группы этнографов был московский Музей народоведения, возглавлявшийся с 30-х годов С. П. Толстовым. В 1943 г. продолжались полевые исследования в разных районах Средней Азии и Казахстана. Именно в эти суровые годы еще более упрочилось сотрудничество ленинградских и московских ученых, эвакуированных в Ташкент (Е. М. Пещерева, А. Л. Троицкая, С. М. Абрамзон), Душанбе

²¹ Список печатных трудов С. М. Абрамзона. — СЭ, 1975, № 6, с. 194—196.

²² МАЭ, кол. № 4384 (№ 190, предметов 218).

²³ ГМЭ, кол. № 5216 (Хорезм, 1931).

²⁴ МАЭ, кол. № 5667, 5668, 5636, 5710, 5907 (Ташкент, 1938); № 5696 (Ташкент—Риштан, 1938).

²⁵ МАЭ, кол. № 5679; Екимова В. В. О прикладном народном искусстве в Узбекистане. — СЭ, 1940, № 4.

²⁶ Список основных работ см.: Кисляков Н. А. (некролог). — СЭ, 1974, № 3, с. 186—189.

(Н. А. Кисляков, С. В. Иванов, Т. В. Станюкович), Самарканд (Т. А. Жданко, Е. И. Махова, Г. П. Снесарев), с местными научными кадрами. В союзных республиках в системе местных Академий наук расширяется круг задач этнографической науки, в ряде случаев создаются новые этнографические центры. Так, в Ташкенте при Институте истории и археологии АН Узбекской ССР есть сектор этнографии, в течение многих лет возглавлявшийся О. А. Сухаревой. В настоящее время он разделен на две части: дореволюционный (заведующий д. и. н. К. Ш. Шаниязов) и советский (заведующий к. и. н. С. М. Мирхасилов).

В Душанбе при Академии наук Таджикской ССР сложилась своя этнографическая школа, в создании которой участвовали такие ученые, как А. А. Семенов и М. С. Андреев. В первые послевоенные годы здесь под руководством А. К. Писарчик и Н. Н. Ершова была намечена обширная программа сплошного этнографического обследования всего Таджикистана. К настоящему времени там сформировалась группа местных ученых таджиковедов (заведует к. и. н. М. А. Хамиджанова), регулярно публикующих результаты своих полевых изысканий и продолжающих собирать ценнейшие этнографические коллекции для созданного при Институте музея. Собрания этого музея по полноте материала являются в настоящее время уникальными.

Большая работа по изучению разных групп казахов на обширной территории Казахстана ведется Сектором этнографии (д. и. н. Халил Аргынбаев) в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова Казахской АН. Одним из основоположников казахской этнографической науки был академик Маргулан. Огромная научно-исследовательская и экспедиционная работа ведется этнографами Института истории Киргизской АН (руководитель к. и. н. Т. Баялиева), а также Института истории Туркменской АН (под руководством к. и. н. Ана Дурды Оразова). Традицией стала подготовка в Москве и Ленинграде молодых кадров для работы в республиканских научных учреждениях. Так, из названных выше руководителей этих этнографических центров аспирантскую подготовку прошли в Ленинграде К. Ш. Шаниязов (под руководством Л. П. Потапова), М. А. Хамиджанова (руководитель Е. М. Пещерева), Т. Баялиева (руководитель С. М. Абрамзон).

Тесные научные контакты широкого круга ученых обеспечили возможность планирования и проведения больших экспедиций и обобщающих коллективных трудов. Уже в первые послевоенные годы стали действовать экспедиции: Киргизская, которую возглавлял С. М. Абрамзон, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция под руководством С. П. Толстова, Среднеазиатская этнографическая экспедиция, руководимая Б. Х. Кармышевой.

Значительным событием в изучении кочевников Средней Азии было выступление Л. П. Потапова в журнале «Вопросы истории» со статьей «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана».²⁷ Этой статьей, имевшей важное методологическое значение, Л. П. Потапов открыл дискуссию по актуальным вопросам изучения кочевников. В 1955 г. редакция журнала «Вопросы истории» подытожила дискуссию и высказалась за положения, предложенные автором статьи. Эта же проблема была основной в докладе Л. П. Потапова на совещании в Ташкенте.²⁸

²⁷ Вопросы истории, 1954, № 6, с. 73—89.

²⁸ Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана (доклад). — Матер. научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, с. 17—42; см. также: Список основных научных работ доктора исто-

К 50-м годам относится выпуск в свет монографии по изучению среднеазиатских колхозов. Большим коллективным трудом, завершенным в начале 60-х годов, было издание двух томов «Народы Средней Азии и Казахстана» из серии «Народы мира». Для подготовки этого труда потребовались углубленные полевые исследования. Они проводились повсеместно, но необходимо было дополнительно включить такие объекты, как небольшие по численности группы корейцев, дунган и уйгуров Средней Азии. Изучением истории поселения и самобытной культуры корейцев занимались Ю. В. Ионов (Ленинград) и Р. Джарылгасинова (Москва). Группе дунган и уйгуров были посвящены специальные экспедиции под руководством А. М. Решетова, в результате чего Музей обогатился оригинальными коллекциями. Недостаточно исследованным оставалось также таджикоязычное население вне Таджикистана. По инициативе Н. А. Кислякова, при участии и непосредственном руководстве Е. М. Пещеревой было предпринято Ф. Д. Люшкевич изучение сначала таджикоязычной группы ирани в Бухаре и окрестностях, а затем основного таджикоязычного населения Бухарского оазиса.

Группа, изучающая тюркские народы, в настоящее время немногочисленна. В ее составе следует назвать специалиста по этнографии узбеков Р. Я. Рассудову, М. В. Сазонову, занимающуюся узбеками Хорезма, В. П. Курылеву, много лет изучающего различные аспекты этнографии казахов, и продолжателя дела С. М. Абрамзона по изучению киргизов Г. Н. Симакова. Последний зарекомендовал себя также как неутомимый собиратель интересных и полных коллекций.

В заключение следует подчеркнуть, что в изучении народов Средней Азии и Казахстана в Ленинградской части Института этнографии на протяжении многих десятилетий вырабатывались определенные черты: сочетание интенсивного экспедиционного изучения народов с собирательской деятельностью и активной музейной работой, умение, используя обширный фактический материал, приходить к широким обобщениям, теоретическим выводам и выявлению определенных закономерностей на прочной основе марксистско-ленинского учения о развитии общества.

Таким образом, в стенах МАЭ и Института этнографии сложилась своеобразная ленинградская школа изучения этнографии среднеазиатских народов, основывающаяся на прочных научных традициях, заложенных еще во времена В. В. Бартольда, В. В. Радлова, А. К. Самойловича, И. И. Зарубина.

рических наук Л. П. Потапова (к 70-летию со дня рождения). — СЭ, 1975, № 6, с. 197—198, в том числе статьи «Материалы по семейно-родовому строю узбеков нунградов» (СЭ, 1930, с. 37—52); «Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни» (Сб. МАЭ, М.—Л., 1949, т. XII, с. 5—41).